

С другой стороны, Шэн Линьянь был совершенно счастлив, наивно полагая, будто достаточно просто удалить записи с камер наблюдения, чтобы замести все следы начисто. Однако он упустил из виду один важный факт: данные с камер на самом деле можно восстановить с помощью технических средств.

Мало того, он действовал без тени смущения. Даже не успев выйти из бара после получения той важнейшей доверенности на передачу активов, он нетерпеливой рукой набрал номер, чтобы похвастаться перед кем-то своим успехом. И надо же было такому случиться, что этот телефонный разговор случайно услышал посторонний, превратившийся в итоге в ключевого свидетеля, чей козырь в будущем сыграет против него самого. Еще хуже было то, что сам Шэн Линьянь даже не подозревал о столь фатальной оплошности.

В подчинении у Мо Чэня находилась мощная команда юристов группы АУ, но даже им пришлось столкнуться с рядом щекотливых проблем при расследовании этого дела. Во-первых, поскольку внутри отдельного кабинета камеры видеонаблюдения не устанавливались, точно узнать, что именно там происходило в тот момент, напрямую не представлялось возможным. Однако на записях с камер в коридоре было отчетливо видно, как Шэн Линьянь и Сунь Цзыюй зашли в кабинет вместе, а ровно через два часа оттуда вышел один лишь Шэн Линьянь, в руках у которого действительно был зажат документ, похожий на контракт. Лишь на следующее утро забрезжил рассвет, и Сунь Цзыюй наконец медленно появился на людях — шел он шатаясь, ноги казались ватными, так как накануне вечером он явно напился до бесчувствия.

Во-вторых, с момента происшествия прошло уже целых три дня, и многие улики, существовавшие некогда, возможно, давно растворились в потоке времени, что, без сомнения, немало осложнило расследование.

Все активы, записанные на имя Сунь Цзыюя, к всеобщему удивлению, были тихо обращены в наличные и в полном объеме влиты в корпорацию Сунь. Вернуть их теперь в прежнем размере — пожалуй, не более чем несбыточная фантазия, надежда на это была призрачной до крайности. Раз дело зашло так далеко, оставался, судя по всему, лишь один жизнеспособный путь: отстаивать собственные интересы и права через суд, подав против него иск.

Сунь Цзыюй с мрачным лицом слушал, как Мо Чэнь подробно излагает результаты расследования этого дела и разработанный план ответных мер, при этом его взгляд был накрепко прикован к человеку, выпрямившись стоявшему прямо перед ним.

Сунь Цзыюй глубоко вздохнул и спросил:

— Ты только что упомянул, что лично слышал его разговор по телефону. Так что же именно он тогда говорил?

Тот человек на мгновение замялся, после чего ответил без утайки:

— В тот день я, как обычно, отправился относить алкоголь по указанному адресу. Закончив поручение и собираясь уходить, я у самого поворота случайно столкнулся с парнем, который разговаривал по телефону. Он стоял как раз на том месте, мимо которого обязательно нужно

было пройти, чтобы добраться до стойки администратора, и обойти его было совершенно негде. Вот мне и пришлось поневоле выслушать весь их разговор от начала и до конца. Я отчетливо расслышал, как тот молодой человек произнес...

На этом моменте рассказчик слегка замялся, словно ему было трудно произнести подобное вслух, но под пронзительным взглядом Сунь Цзыюя он всё же продолжил:

— Наконец-то заполучил! Пап, ты даже не представляешь, до чего противный этот тип. На вид — настоящий мужчина, а тянет его к представителям своего же пола. Если бы ты не сказал мне, что я ему нравлюсь, что у него куча денег и при этом пустая голова, которой легко манипулировать, я бы от него, честно говоря, бежал за тридевять земель!

Хотя Сунь Цзыюй и так прекрасно понимал с самого начала, что Шэн Линьянь сблизился с ним по собственной инициативе и намеренно воспользовался им исключительно из жажды наживы, однако, услышав вновь столь грязные и невыносимые слова, его и без того израненное сердце невольно пронзила острая боль, словно в него одновременно вонзили миллионы тончайших игл.

Когда Сунь Цзыюй очнулся от оцепенения, он с изумлением обнаружил, что сидит верхом на коленях у Мо Чэня, а его спина плотно прижимается к широкой и тесной груди мужчины. Оглядевшись по сторонам, он понял, что в просторном кабинете остались лишь они двое.

Опустив глаза и заметив, в каком неприлично близком положении он устроился в объятиях Мо Чэня, Сунь Цзыюй мгновенно вспыхнул до самых кончиков ушей, а его сердце заколотилось как безумное. Охваченный паникой, он попытался подняться, чтобы вырваться из столь неловкого положения, но стоило ему только сделать движение, как крепкая мускулистая рука резко обвила его тонкую талию и чуть потянула назад. Потеряв равновесие, Сунь Цзыюй снова рухнул прямо на колени к Мо Чэню. От неожиданного толчка мужчина невольно издал глухой стон.

Сгорая от стыда и злости, Сунь Цзыюй яростно уставился на Мо Чэня и прикрикнул:

— Прекрати издавать такие странные звуки!

Однако, столкнувшись с выговором, Мо Чэнь ничуть не смутился. Напротив, уголки его губ изогнулись в лукавой улыбке, и он произнес:

— Малыш, я ведь просто обнял тебя, потому что увидел, как ты огорчен и расстроен. Даже если я порой капризничаю и веду себя как дитя, ты же не можешь вот так безжалостно отрекаться от своего любимого мужа?

Услышав столь бесстыдную тираду Мо Чэня, Сунь Цзыюй от злости застучал ногами по полу и возразил:

— Хватит тут молоть чепуху! Кто твой малыш, и с каких пор я твой любимый муж?! (□_□)

Говоря это, Сунь Цзыюй одновременно пытался высвободиться из крепкой хватки большой руки Мо Чэнь, продолжавшей сжимать его талию.

Но разве Мо Чэнь собирался так легко его отпустить? Продолжая подтрунивать над Сунь Цзыюем с игривой улыбкой на лице, он неожиданно перехватил его изящную кисть и потянул к себе, норовя направить в район собственного паха, при этом приговаривая:

— Давай-давай, пусть мой малыш потрогает и проверит, не пострадало ли тут чего...

Лицо Сунь Цзыюя от такой наглости покраснело, словно спелое яблоко. Собрав все силы, он отчаянно заерзал, пытаясь вырваться, и пригрозил:

— Предупреждаю тебя! Если ты продолжишь распускать руки и вести себя подобным образом, я позвоню в полицию и заявлю, что ты домогаешься человека!

Мо Чэнь скорчил обиженную физиономию и жалобно протянул:

— А-Ю, как ты можешь быть таким бессердечным? Всё это время я изо всех сил старался, помогал тебе расследовать то дело, из-за чего уже столько ночей толком не спал. Я-то думал, ты оценишь мои старания, пожалеешь меня, пусть даже просто парой ласковых слов... А в итоге что? Когда я увидел, как сильно ты убиваешься, и попытался утешить, а в ответ встретил лишь равнодушие, я просто не удержался и обнял тебя. И кто же знал, что ты не только не оценишь доброго поступка, но еще и назовешь меня извращенцем, да вдобавок пригрозишь сдать полиции! Мое сердце разбилось на тысячу осколков...

При этом он одной рукой картинно прижал ладонь к груди, изображая невыносимую муку, но другую по-прежнему не отпускал, накрепко удерживая тонкую талию Сунь Цзыюя.

Сунь Цзыюй в этот момент растерялся, не зная, как реагировать. Его щеки мгновенно залились густой краской, и он поднял руку, легко зажав рот не умолкавшему Мо Чэню:

— Замолчи... Хватит уже болтать...

Однако к чему Сунь Цзыюй оказался совершенно не готов, так это к тому, что Мо Чэнь не только не отстранился, но даже чуть шире улыбнулся краешком рта.

В следующее мгновение, воспользовавшись тем, что Сунь Цзыюй потерял бдительность, мужчина стремительно наклонился и оставил поцелуй прямо на ладони, закрывавшей его губы. От столь внезапного поступка Сунь Цзыюй дернулся, словно пораженный молнией, мгновенно отдернул руку и уставился на этого бесцеремонного наглеца широко раскрытыми от изумления глазами.

Заметив это, Мо Чэнь с легким вздохом тихо спросил:

— Малыш, неужели ты и впрямь считаешь меня столь легкомысленным?

Сердце Сунь Цзыюя забилося еще яростнее, и он запинаясь выдавил из себя:

— Н-нет, вовсе нет... Я... я вовсе не это имел в виду...

Внимательно всматриваясь в покрасневшее от смущения, донельзя пережившееся лицо Сунь Цзыюя, Мо Чэнь продолжил уже куда более искренним тоном:

— Но, дорогая моя душа, ты просто невероятно мил. Каждый раз, когда я вижу тебя, мое сердце против воли начинает трепетать. И всё же я изо всех сил стараюсь обуздать те бурные чувства, что бушуют у меня в груди. Но порой совладать с собой просто невозможно...

Бросив на этого сводящего с ума мужчину свирепый взгляд, Сунь Цзыюй мысленно выругался про себя:

— Вот же бесстыдник!

Больше оставаться с ним в одном помещении он был не в силах. Резко вскочив на ноги, он решительным шагом направился к выходу.

А Мо Чэнь так и остался сидеть на прежнем месте, провожая взглядом удаляющуюся фигуру Сунь Цзыюя. Он не стал подниматься и бросаться вдогонку, лишь медленно поднял руку, которою только что обнимал Сунь Цзыюя за талию, и легко потер подушечки пальцев, словно всё еще ощущая нежность и гладкость чужой кожи.

В его голове продолжало всплывать восхитительное ощущение того мгновения, а уголки губ сами собой поползли вверх, тронутые тихим, исполненным тайного торжества смешком.

<http://bllate.org/book/24613/2892898>